

Кубанский Писатель

Величайшее богатство народа – его язык! Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта.

М. Ю. Шолохов

№ 3

март
2010 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России

ПАНОРАМА

ПОЭТИЧЕСКИЙ МАРТ

Поздравляем!

Геннадию Викторовичу Иванову, первому секретарю Правления Союза писателей России, лауреату Всероссийской литературной премии им. Ф. И. Тютчева, талантливому русскому поэту исполнилось 60 лет. Кубанские писатели сердечно поздравляют юбиляра. Многие лета и самые добрые пожелания!

*Вот и Волги берег молчаливый –
Никого сейчас на берегу:
Холод, ветер, катер торопливый,
Небо, словно в зимнюю пургу.*

*Против ветра в небе бьётся птица,
Медленно летит она. Куда?
Что сейчас в душе её творится?
Холод. Ветер. Зыбкая вода.*

*... Надо жить, хотя так трудно верить
В лучший смысл земного бытия,
Надо приходиться на этот берег,
Чтоб тоска развеялась твоя.*

*Ведь уже не раз такое было:
Так же сердце от неверья стыло,
А потом, откуда ни возьмись,
Начиналась, продолжалась жизнь.*

ПАНОРАМА

В Ростове-на-Дону подведены итоги областного литературного конкурса, посвящённого 150-летию со дня рождения А.П. Чехова, объявленного Ростовским региональным отделением Литературного фонда России, редколлекцией альманаха «Дон и Кубань».

В конкурсе приняли участие более 70 человек. Для обсуждения и оценки жюри были допущены 60 творческих работ в разных номинациях.

География участников конкурса вышла далеко за рамки областного, объединив творческие силы Волгодонска, Новочеркасска, Ростова-на-Дону, Новошахтинска, Краснодарского края, Калининградской области.

Среди призёров и победителей и наши земляки: Александра Алексеева из Куцёвского района, занявшая 3-е место в номинации «Публицистика». Специальный приз Управления культуры Ростовской области и поощрительную грамоту получил Петр Шлапков из с. Красное за короткие рассказы.

3. Катуржевская

Март один из самых поэтических месяцев, не только потому, что это первый весенний месяц в году, и после долгих холодов раскрываются нежные первоцветы. Именно в марте принято отмечать и Международный женский день, и день писателя, и Всемирный день поэзии. Поэтические праздники в Краснодаре проходят с начала века. А вот День писателя мы отметили впервые. В художественной галерее «Сантал» собрались литераторы вместе с художниками и общественностью. Поздравительная телеграмма в адрес писателей поступила от руководителя Департаментом культуры Краснодарского края Н.Г.Пугачёвой, поздравления звучали от начальника управления культуры Краснодарского края Т.Н.Рубан, библиотекарки города и края В.С.Цокур, председатель комитета по сохранению памяти маршала Г.К.Жукова, выступая на встрече, не скрывал своего волнения, говоря о роли книги в жизни человека и огромной ответственной работе писателя, вспоминал любимых авторов и литературных героев.

Слова приветствия прозвучали от секретаря Правления Союза писателей России поэта, прозаика, публициста, лауреата литературных премий В.В.Дворцова, который передал поздравления кубанским писателям от московских литераторов. В литературном вечере приняла участие и поэт из Архангельска, заместитель председателя правления Архангельского регионального отделения Союза писателей России Е. Н. Кузьмина.

Но, конечно же, самым главным стал разговор о роли писателя в обществе. Ведь «литературный процесс, — по словам Василия Дворцова, — это проявление чувственно-нервной и сознательной, разумной жизни нации».

Кубанские поэты Николай Зиновьев, Нелли Василинина, Любовь Мирошникова, прозаик Айтеш Хагуров говорили о творческих открытиях, которыми богата жизнь писателя.

Директор художественной галереи «Сантал» Н.А.Стрижова поздравила в лице председателя КРО СП России С.Н.Макаровой всех кубанских писателей с их профессиональным праздником, а Николая Зиновьева, который впервые побывал в галерее, и с присуждением ему литературной премии «Имперская культура». Настоящим подарком присутствующим стала подготовленная к этому дню выставка картин «Дарите женщинам цветы», среди которых работы В.И.Бирюкова, В.И.Сидорова, О.А.Сальковой и др.

А Международный женский день 8 марта отмечен большим литературно-музыкальным праздником в Доме учёных, главным событием которого стала презентация книги стихов Аллы Рыбалко «Песни моей души». По-зимнему снежный вечер превратился для присутствующих в яркий весенний букет благодаря стихам, музыке и кубанским пейзажам, представленным на художественных полотнах, украшавших сцену, ведь супруги Рыбалко – создатели галереи АРТ-ПАНКОРН.

Многолетнее общение с художниками, с картинами А.А.Паршкова, гравюры которого иллюстрируют книгу, помогли раскрыть Алле Андреевне собственный творческий потенциал. Её стихи очень искренни и живописны. А написаны они, прежде всего, для самых любимых – мужа, детей, внуков. Именно им посвящена книга «Песни моей души», которая никогда не увидела бы свет без поддержки супруга Александра Алексеевича Рыбалко. И потому стихи Аллы Андреевны дали повод для знакомства с большой и очень дружной семьёй.

Необыкновенно тёплая атмосфера царил в зале, ведь поздравить автора пришли не только литераторы В.Дворцов, Л.Мирошникова, Е.Демидова, и члены краевого литературного объединения «Верность», но и многочисленные родственники и друзья.

Струнный ансамбль в составе Натальи Фёдоровой (флейта), Виктории Шаповаленко (скрипка) и Сергея Коротченко (гитара) весь вечер исполнял произведения молодого краснодарского композитора Ольги Масич, её музыка покорила зал.

А ведущая вечера С.Н.Макарова предложила непременно прочесть поэтессам свои собственные стихи, в подарок присутствующим женщинам. Стихи, положенные на музыку, прозвучали в исполнении Ирины Вединовой и Виктора Деривянка, новый перевод стихотворения сербской поэтессы Десанки Максимович представила Любовь Галицкая.

Собинфо

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В СЕТЯХ КРИЗИСА И ПЕРЕД
ВЕЧНОЙ ПУСТОТОЙ

Государство наше ратует за энергосберегающие технологии, русские писатели без конца бьются о необходимости сбережения народа. Месторождения углеводородов можно до поры законсервировать, раз уж сырьевое богатство – наше проклятие – и развивать новационные технологии. Здесь все возможно – вопрос техники. Но как законсервировать душу человека? Ведь через это он только мельчает, разлагается, опускается. Вместе с консервацией души начнется исход жизни из него...

Русская интеллигенция сейчас в очередной раз говорит о сбережении народа, не через колбасу и какие-то жизненные блага, а, в первую очередь, через культуру.

Кризис экономики у нас происходит периодически, потом – накачка нефтедолларами и вроде все нормально. На какое-то время... Последний год мы тяжело страдаем и вздыхаем под гнетом очередного финансового. Вот уже разговоры на эту тему можно тоннами мерить. Но о том, что сам человек и культура у нас, по крайней мере, в последние два десятилетия находятся в непреодолимо кризисном состоянии, как-то не принято вспоминать.

Не принято, может потому, что время сейчас конкретики, реального продукта, дел и осязаемых перспектив. Что такое человек, душа его? Все это баксами не взвесишь, в банк не заложить. Что-то такое расплывчатое, абстрактное, а разговоры на эту тему – демагогия полная и беспросветная.

С культурой проще. Отринуть все высокопарные речи и назначить ей цену. Культура имеет чисто утилитарное значение. Хлеба и зрелищ, и ни шагу в сторону! Как в мультфильме про Простоквашино: «От этой картины очень большая польза, она дырку на стене закрывает»... Все эти годы дырки на стенах старательно завешиваются, но они все равно просвечивают большим черным пятном, ямой.

Вот и Светлана Макарова подняла важный и в тоже время неконкурентоспособный вопрос о русской деревне и преодолении глобального кризиса-разлома. Причем, без истерик, без томных вздохов о былой буко-

лической деревенской красоте.

Деревня уже иная, чем десять, двадцать лет назад. Также как и человек, как культура наша. Все более раскручивается маховик ее ветшания, старения. По ее деформациям можно свободно ставить диагноз обществу.

Идет новая волна тотальной зачистки деревни, выкорчевывания, ее вянущие на глазах остатки отбрасываются далеко назад, в типичное натуральное хозяйство. Люди оторваны от земли, от настоящего дела, они блуждают впотмах.

По большей части, сейчас основные ассоциации с деревней – это старики, старчество. Плюс сам этот феномен переформатируется: деревня все более воспринимается лишь дачей, а люди в ней – дачники – странники и пришельцы.

Для многих нас деревня стала вообще неизвестной землей, каким-то реликтом из прошлого. Если раньше туда приезжали к старшему поколению своих семей, то теперь мы – дачники. Шашлыки, баня, рыбалка... Вот и вся наша деревня. Что из этого может сложиться? Литература дачников, пришельцев на земле и сознание временщиков?

Если говорить о литературе, то сам эпитет «деревенская» мне не особенно близок. Это все-таки была не деревенская литература, а корневая. Через нее суть, свет русской души исходил. Определение «деревенская» очень приблизительное, в какой-то мере, оно даже отталкивает от восприятия этих авторов, являясь неким ярлыком. Лично у меня долгое время отсрочивалось знакомство с тем же Федором Абрамовым. Деревенщик, ну все понятно с ним... Избы, березки, луга, портянки... Но, преодолев этот стереотип, был просто шокирован от прочитанного. Его тексты пропитаны народной мудростью, христианской праведностью, а человеческие типы – это вообще что-то фантастическое!

На самом деле, как пишет Светлана Макарова, деревня – хранительница генов нации. Процессы, происходящие в ней, через некоторое время громким эхом прокатятся

по стране. И это уже будет не просто гул, а разрушительный смерч.

Что будет с культурой? Которая все больше отрывается от почвы. С языком? Который всегда в народной деревенской среде освежался, обогащался, напитывался живыми соками...

Опять же избито – но это душа. А на импортном мясе и окорочках душа народа постепенно становится генетически модифицированной. Она еще более тонкая субстанция, чем Эйве – прародительница всего живого на планете – Пандора голливудского фильма «Аватар». Но все это не за тридевять земель, не на другой планете, а рядом, до этого рукой подать.

Уже мало того, что оттуда буквально убыла вся молодежь. В ней практически пропал общинный дух. Деревня стала индивидуалистична, сжалась шагреновой кожей до приусадебного хозяйства.

В общественном сознании стала прибежищем маргиналов, людей отчаявшихся чего-то добиться в жизни, ни на что не способных. Это особая резервация, представляющая разве что фольклорный и этнографический интерес. Да и то угасающий...

Удивительно сейчас читать, что это девственно чистый край, и что мир здесь воспринимается как рай.

Не забуду одну из своих командировок в начале 2000-х. Ездили на КАМАЗе в Брянский лесхоз за дубовой доской. Директор еще на уровне переговоров заверил, что готов работать, материал у него есть, но как-то попутно посетовал на человеческий фактор. Так вот вместо нескольких часов загрузки, мы застряли там практически на сутки. Мало того, что длинные и тяжелые доски грузили исключительно женщины, так как сильный пол медитировал в алкоголическом трансе. Так еще и тракторист напился в дым. А без него никуда, вся работа встала. Вот и водили вокруг этого важного человека хороводы, пока не оклемался.

Был как-то походом и в одном из поморских карельских сел. Зашли в избу, в которой

предка нынешнего хозяина сам царь Петр одарил своей грамотой. Так вот, потомки того заслуженного человека полулежали в пьяной дреме за столом, а на стене в огромной раме, где некогда была славная грамота, зияла удручающая пустота.

Собственно, сейчас деревня и пьянство стали практически синонимами. Прочитайте роман «Елтышевы» Романа Сенчина. В нем деревня за считанное время уничтожает целую семью, переехавшую туда жить. Тупик и все, попавшие в него, обречены...

Это всего пару сюжетов. Но пустота... И не надо думать, что она – только лишь атрибут деревни, весь мир подмывает, порушает его основание, фундамент. Скоро эта пустота своей черной клешней сожмет и наше горло, пока не задохнемся.

Конечно, отчаяние – смертный грех и не надо предаваться беспросветной грусти. Деревню, нашу культуру можно оживить только человеком и через человека. Поэтому надо будоражить солнца, сокрытые в груди каждого. Литература должна найти нового-старого героя, человека нашего времени и связанного с традицией, через которого свет нашей тысячелетней культуры начнет транслироваться.

Андрей Рудалёв
г. Северодвинск,
Архангельская область

ОТ МОСКВЫ ДО САМЫХ ДО ОКРАИН

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Получил «Кубанский писатель» № 1 за этот год и просьбу откликнуться на статью редактора «Село Обломовка» и «Мадагаскар». Оговорюсь сразу: я не писатель, а потому прошу не судить строго.

А вот с газетами дружу уже 55 лет, отчего и был принят в Союз журналистов СССР в 1964 году. Я дорожу этим званием и по мере сил и способностей сотрудничаю с печатью.

Моей книгой, которую я взял наугад из своей библиотеки, стала книга очерков «Их труд – подвиг», выпущенная Краснодарским книжным издательством в 1973 году. Не стал будоражить ни Достоевского, ни Некрасова, ни Тургенева. Это слишком глубоко, а вот годы, в которые я жил, мне хорошо знакомы и понятны. В книге много знакомых авторов, с которыми пришлось встречаться, очерки которых читал и восторгался. Это Владислав Филимонов. Книга как раз и открывается его очерком «Товарищ Вера». Он – о ткачихе хлопчатобумажного комбината Вере Семёновне Касандрицкой, ставшей Героем Социалистического труда.

Очерк написан доступным языком, грамотно, читается легко и с интересом. Хорошо бы узнать о сегодняшних делах на ХБК.

Но мне, как специалисту сельского хозяйства, ближе по духу и совести бывшие колхозы и совхозы, ставшие акционерными обществами. С большим интересом и долей зависти прочёл очерки о селянах. Ведь все они мои земляки-кубанцы. Это «Щедрость душевная» – о доярке Н.А.Ампиловой из колхоза «Лиманский» Щербиновского района, автор – Г.Приходько, «Знатный хлебороб» Ф.Зырянова – о председателе колхоза имени Мичурина

Красноармейского района И.В.Марковском. Самого Ивана Васильевича я знал очень хорошо, так как учился в своё время у него на курсах управляющих отделениями колхозов. Приятные воспоминания в душе оставили очерки «Память сердца» А.Быстрова, «Степной капитан» А.Пересветова и многие другие. Всю книгу я перечитывал не раз, потому что стоит того, а о людях труда сейчас практически не пишут, а если и пишут, то очень редко, на себе испытал. Я работал агрономом, управляющим отделения 30 лет. Потом наш колхоз «Кубань» сделали акционерным обществом закрытого типа, что из этого вышло, читайте дальше.

Колхоз был преуспевающим хозяйством в Славянском районе. За получение высоких урожаев риса, пшеницы, кукурузы, овощей, за перевыполнение планов производства и продажи государству мяса, молока, яиц в 80-90 годах был удостоен шести Красных Знамен ЦК КПСС, ВЦСПС и Совета министров СССР на вечное хранение. На полях и фермах трудилось 2500 человек. Сейчас осталось 300 человек, функционируют только две фермы крупного рогатого скота (одна – дойного стада, другая – выращивающая молодняка), да ещё держится на плаву свиноводческая ферма. Страшно смотреть на бывшие фермы без окон, без дверей, с торчащими голыми стропилами. Не осталось и признака от цеха по переработке зелёного горошка, томатного завода, перерабатывавшего за сезон 2600 тонн помидоров, не высаживаются и сами овощи. Поля во многих местах гуляют, зарастают сорняками. Почему-то об этих процессах не пишут в литературе, разве что прочёл в альманахе «Кубань литературная» за 2006 год с болью и тревогой за будущее Тамани очерк «Прощай, Тамань?», написанный великим правозащитником природы,

всего живого в этом уникальном уголке Кубани Виктором Ивановичем Лихоносовым. В 2009 году я бывал в Тамани, а точнее в Атамани – казачьей станице прошлого и всё видел своими глазами. Я полностью согласен с писателем и стою на его стороне.

Вернусь в свой район. Богатые земли Кубани, да и не только, начиная от Москвы и до Кавказских гор, находятся у хозяев компании «Разгуляй поле». Ради Бога, называйте, как хотите эти земли, но чтобы ж они давали урожай и люди работали. А то ведь в одночасье в нашем районе все хозяйства стали убыточными. Люди, особенно молодёжь, остались без работы, пьянствуют, увлекаются наркотиками.

Вы спрашиваете, когда будет преодолён кризис в литературе, как это сделать, как вернуть светлый мир? Ответить должны правители, депутаты всех уровней, партии КПРФ, «Единая Россия», ЛДПР, и др. Их много наплодилось, а толку мало. Надо поднимать с колен хозяйства, хутора, станицы. Наши селяне умеют трудиться, не убегают пока из родных мест, живут за счёт огородов до подсобных хозяйств. Не верится, что у крестьян моего родного хутора Бараниковского было до недавних пор более 150 коров, а теперь едва набирается 12... Деток кормить нечем, а мы рассуждаем о кризисе, который надо преодолеть. Не приедет к нам Барак Обама, мы должны сами потратить суеки, «бедняков», имеющих несметные богатства.

А говорильня – она ничего не даст. Мы опоздали. Поезд ушёл. А пока нами правит беспредел. Доколе?

Завгородний Алексей Иванович, пенсионер.
Славянский район, хутор Бараниковский

Крониду Александровичу Обойщикову - 90 лет

Тридцать три книжки поэта-фронтовика

22 июня 1941 года выпускник Краснодарского военного авиационного училища младший лейтенант Обойщиков записал в тетрадку одно из первых своих стихотворений.

Над КП сигнальная ракета.

Я в кабину с летчиком спешу.

Наш маршрут проложен до Победы.

...А стихи потом я допишу.

Сердце штурмана, словно губка, впитывала тяжелые будни первых месяцев войны, и уже тогда, смутно и тайно, еще не вырываясь наружу, копились суровые строки.

И только через пятнадцать лет после войны память яркой вспышкой осветит дороги отступлений, гибель товарищей, салюты победной весны и весь более чем двадцатилетний армейский путь.

На 2-ом Всесоюзном совещании молодых писателей в марте 1951 года Обойщикову предложат работать литсотрудником во вновь созданном журнале «Советский моряк». Предоставляли квартиру в Москве. Но он отказался — хотелось еще послужить Отечеству, повидать разные края, влюбиться в широкие просторы Родины. Эту возможность щедро дарил военная служба. И пришли стихи, написанные в разных уголках великой страны.

В предисловии к книге Кронид Обойщикова «Мы были» известный писатель Герой Советского Союза Владимир Карпов пишет: «Чем тронуло меня творчество Кронид Обойщикова? Наверное, прежде всего чистотой, верностью духу дружбы к товарищам и бескорыстной любви к Отчизне».

Эти слова поэт подтверждает стихами. Уволившись из армии в 1960 году, он пишет друзьям, оставшимся еще в строю.

Мне карандаш держать не легче,

Трудней намного, чем штурвал.

Когда мне стих давил на плечи,

Я вас, друзья, не забывал.

И если долгими ночами

Мне снова будет тяжело,

Я вспомню, как вы выручали,

Когда мы шли, крыло в крыло.

(«Друзьям»)

А в стихотворении «Морские офицеры» продолжает эту мысль:

Не серебро скопие, а славу,

Мы те оставили края.

Теперь судьбу морской державы

Уже решают сыновья.

Стихи Обойщикова публиковались в армейских и областных газетах, а также в журналах «Знамя», «Дальний Восток», «Эстония», «Дон», «Кубань», «Советский воин», «Наш современник».

С первых дней после ухода в запас Кронид Александрович стал членом литературного объединения «Верность» при Краснодарском Доме офицеров. Здесь рос его творческий опыт и вскоре он стал членом Союза писателей СССР, руководителем литобъединения.

Со своими товарищами, такими же офицерами запаса Афанасием Костенковым и Виктором Иваненко, кинооператором Дмитриевым на базе любительской киностудии Дома офицеров Кронид Обойщиков создал четыре документальных фильма армейской тематики.

За активное участие в культурном шефстве над Советскими Вооруженными Силами приказом Министерства обороны СССР № 122 от 5 июня 1973 года создатели фильмов были награждены нагрудными значками «От Вооруженных сил СССР». Интересно, что имена наших товарищей стояли в одном списке с такими корифеями отечественной культуры, как народные артисты Елена Гоголева, Игорь Ильинский, Аркадий Райкин.

Одновременно Кронид Обойщиков вел поиск материалов о Героях Советского Союза - уроженцев Кубани. В результате этой многолетней бескорыстной работы изданы три тома альбомов «Золотые звезды Кубани», четыре тома книг очерков «Кубани славные сыны», уникальный трехтомный поэтический Венок Героям, ровно половина стихов которого принадлежат перу Кронид Обойщикова. За этот

труд кубанские герои приняли его в Почётные члены своей краевой организации.

Кронид Александрович заслуженный работник культуры России, заслуженный деятель искусств Кубани, лауреат двух краевых литературных премий, Почетный гражданин города Краснодара. Один из авторов двух музыкальных комедий, поставленных Краснодарским театром оперетт, песни на его стихи исполняются многими художественными коллективами.

К сожалению, имя большого русского поэта почти неизвестно современной России. По своей скромности за годы перестройки Обойщиков не отправлял свои произведения в столичные журналы, все его книги издавались и расходились в Краснодарском крае.

Как библиотекарь скажу, что стихи и песни Обойщикова пользуются огромным успехом у читателей, особенно учителей и коллективов художественной самодеятельности Кубани.

Он отзывчив и повсюду востребован. Несмотря на свои годы и не «лётное» здоровье Кронид Александрович не прекращает литературную и общественную деятельность. Он является председателем ветеранской организации кубанских писателей России, постоянно выступает в школах и воинских частях.

Обойщиков настоящий герой труда Кубани. Только за последние десять лет он написал и издал семь разных по тематике книжек. Это и документальная повесть о Герое Советского Союза генерале Жугане, и сборники стихов о современной кубанской станице, («Подкова на белой стене»), раздумья о судьбах Родины («Служба Северного Кавказа («Эхо» и «Самородок»), и сборник песен «Краснодар-Кубань-Россия», и сатирико-юмористические сборники «Салат с острой приправой» и «Анекдоты от Кронид» и, наконец, три главных сборника, включающих лучшие стихи («Мы были», «Салют победы», «Любим, небу и земле»). И всё это скромно, тихо, без шумных презентаций.

В нынешнем году 65-летия Победы общественность отмечает девяностолетие одного из ведущих поэтов Кубани, который говорит своим читателям:

Я годами своими горжусь,

Я России еще пригожусь.

Быстрый, радостный и влюбленный

К людям с чистым сердцем иду

И в каком-то новом году,

Словно елка

Вечно зеленый,

Я и срубленный, к вам приду.

Наталья Натыкач,
заведующая библиотекой Дома офицеров

СТИХИ О ВОЙНЕ

Морские летчики

Герою Советского Союза
Константину Усенко

1

Лишь море и небо, лишь небо и море
Да наш самолет, поседевший от горя.
В метельных зарядах машина ныряет.
И в баках бензина совсем уже мало.
Нам красная лампочка жизнь отмеряет.
А жизни и не было — только начало.
Двоим нам с тобой сорока еще нету.
А небо до самой воды опустилось.
И крылья ломают тяжелые ветры.
И стрелка компаса, как будто сбесилась.
Мотор перегретый дает перебои.
О, эти мгновенья запомнишь до гроба!
И берег мы ищем с тоскою и болью.
И дай бог так землю любить хлеборобам.

2

У пилотов морских
Не бывает могил на войне.
Словно чайки, они
Пропадают в кипящей волне.
Вдалеке от земли
Оставляют последний свой след.
Но горят корабли
От наполненных гневом торпед.

Вот разведчик донес:
«обнаружили транспорт не наш...»
И сквозь тысячи гроз
Над водою летит экипаж.
Цель в прицеле видна.
Но от дыма в кабине темно.
А торпеда одна.
И решение будет одно.

У пилотов морских
Не бывает могил на войне.

Словно чайки, они
Пропадают в кипящей волне.
Но в родных городах
Под шелками музейных знамен
К нам летят сквозь года
Эскадрильи крылатых имен.

3

Он водил нас в огонь, в атаку,
И гремел от приказов эфир.
А под вечер я видел,
Как плакал
Наш суровый на вид командир.
Мы над свежей могилой друга
В небо вскидывали ППШ.
И гремела полярная вьюга
И, как чайка, кричала душа.
Эскадрилья рванется в атаку,
Кто-то вновь
Пропадет в огне.
Командир мой,
Не надо плакать,
Если очередь выпадет мне.
До победы лететь не близко,
Все случиться может в бою.
Я прошу вас
В Новороссийске
Отыщите маму мою.
В тихий день
На часок загляните,
Пусть узнает правду она.
Добрый словом меня помяните
И откройте бутылку вина.

4

Мы жили на высокой параллели,
Где ветры заполярные трубят.
И для победы ничего мы не жалели:
Ни бомб,
Ни самолетов,
Ни себя.

И там, где камни мшистые лежали,
Как волн застывших темные валы.
Могил в земле промерзлой
Не копали —
Взрывали толлом землю у скалы.
За всех ребят, кого уже не стало,
Мы в цель метали
Яростно
Металл.
И слушали наутро Левитана,
Когда про нас
Приказы он читал.

5

О, этот дальний уголок земли,
Где мокрые туманы залегли
Меж сопок,
Словно белые медведи,
Где только стынть,
И снег,
И хриплый ветер,
И месяцами солнце не проглянет,
И на унтах висит намерзший лед...
Здесь юность наша в кожаном реглане
В отчаянный бросается полет.
Потомки в мирный день придут сюда
С моими встретиться
Бессмертными друзьями
И всех,
Впечатанных в седую толщу льда
Рассмотрят удивленными глазами.

По степи горящей, ратной,
Через дымную межу
Я дорогою обратной
В сорок первый год вхожу.
Там, где кровью пыль пририта,
Где обрывки страшных снов,
Где стреляли «мессершмитты»

В поседевших пацанов.
Лето было очень жарким,
Слезы высохли у нас.
До сих пор ребят мне жалко,
В горле ком стоит подчас.
Сдали нервы, стерлись нервы,
Слышу свист над головой:
Все стреляет сорок первый,
Юго-Запад огневой.
И встает горящий Киев,
И окрасилась река,
И, прижатые к обрыву,
Отбиваются войска.
И воздушный бой на встречных,
И сухая ночь в бреду.
Моя память будет вечно
В том прописана году.

Весенний сад

Идем мы по белому саду,
В цветах затерялась пчела.
Апрельским воздушным десантом
Весна тут плацдарм заняла.
И вспомнились годы другие —
Война обжигала лицо.
Мы падали с неба,
Седые,
Рваную парашюта кольцо.
Горели,
На лямках повиснув,
Последний свершали полет,
Не зная, что дерево жизни
На месте паденья взрастет.
Прошли мы нелегким маршрутом
Сюда, в этот солнечный сад,
Где белые, как парашюты
Деревья под небом стоят.

1988-2010г.г.

ПИСАТЕЛИ КУБАНИ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ПОЗДРАВЛЯЮТ ЮБИЛЯРА!

С вечера сестра моя, Тося приболела, а утром, только по радио гимн заиграли, уже вскочила с постели, кинулась, как обычно, к окну — какая там погода, во что одеваться?

— Куда это настропалилась? — спрашиваю.

— Да все забываю, что на работу уже не надо...

Постарела моя сестрёночка, память выпадать стала. Да и какую в девяносто лет работу подыщешь? Помоложе была — шла, будто расписывалась, а теперь и походка разладилась. Бывало, по кабинетам да коридорам со шваброй, как с гитарой, ходила, легко и весело, пылинки за собой не оставляла.

А характер у Антонины Лаврентьевны прямой, душа открытая, как двери в храм. Ещё и демократии нынешней не было, а она напрямую любому начальнику всю правду могла высказать.

Работала уборщицей в горкоме партии. Однажды говорит секретарю:

«Вы, Петр Илларионович, думаете, если первый, так я последняя, что ли? Всем прикажите, чтобы здоровались — вас много, а я одна. И пусть не сорят, а то работы не видно, только штаны протирают да окружающую среду портят».

Порой такое бухнет — хоть стой, хоть падай.

— Ты бы, Тося, выражения выбирала, — говорю с укоризной. — Люди смеются.

— Вот и хорошо! Не люблю, когда народ печалится. Пусть похочут. А насчет выражений цветных, так я самая отсталая. Вон в нынешних кинофильмах да пьесах так матюгаются, что по пятнадцать суток давать надо, а им золотые призы суют.

А как Антонина танцует! Как лебедушка, поплывёт, поплывёт, сорока лет не дашь.

В молодости красивой была Тонька-Антониночка! Да и сейчас поздняя осенняя красота промелькнет вдруг в ее стройной до сих пор фигуре, в душевном и светлом взгляде.

Вызвал доктора — давление поднялось у сестрёнки и на сердце отразилось. А она всё выкаблучивается:

— Доктор, вы меня простите, дуру, но я не знаю: сердце слева или справа? Ой, доктор, осторожно — когда меня мужчины щекочут, я сознание теряю...

Вот чёртушка, развеселила медика, он уже и уходит не хочет — всё рецепты выписывает да истории разные вспоминает.

Любит Антонина на картах погадать. Разложит, как следует, а сама тем временем к чужим мыслям прислушивается. Почует недоброе, тяжелое у кого-то на душе, и сразу слова легкие отыщет, вся будто востепенится, засветится — согреть начнет.

Ходит к ней парнишка из соседнего коммерческого ларька — матерью считает её. Своя-то с отцом где-то запропастилась — то ли в море ушли, то ли озолотились, вольготно живут, забыли о сыне — ни слуху, ни духу.

Пришёл как-то подпитый, чушь всякую мелет. Тут она и взяла его в оборот:

— Ты что ж, антихрист с мармеладом, зенки свои вылупил? Никого уж не узнаешь, алкаш несчастный!

Да ремнем его так пригрела, что пацан съезжился, а терпит.

— Ты ж, как вша, желтый и худой, а в бутылку заглядываешь, дурень! — и ещё раз окрестила, да так, что целый месяц ходил сухонький и тверезый.

И опять его жалеть начала — покормит, чайку с травами заварит, на картах невесту хорошаю нагадает.

А сама жизнь прожила — врагу не пожелаешь. В четырнадцатом отца на империалистическую взяли, потом гражданская началась.

Страх в детстве натерпелась. То белые ворвутся в донскую станицу, то красные — стрельба, кровь да ругань кругом...

На всю жизнь запомнились и двадцать первый голодный год, и тридцать третий, когда водила детдомовских детей собирать колоски в поле, а пожевать зернышко запрещено было.

Дети кричали ей:

— Товарищ Тося, можно немножко пожевать?

— Можно, детки, можно...

А мужику, который надзирал за ними, пригрозила:

— А ты, лопухий, сиди на мешке и язык проглоти, а то не поцелую.

Перед войной жила Антонина в Краснодоне, в замужестве. Любил муж молодую

СЕСТРА МОЯ - ТОСЯ

Кронид Обойщиков

жену, но ещё больше водочку. Наберётся — лупит ни за что ни про что. Чего улыбаешься? Бац! Что такая хмурая? Бац! Ревновать вздумал. А тут война накатилась. И проводила она мужа с такими словами:

Автографы читателям своих книг

«Невиновная я перед тобой. Коли ты прав, вернешься домой без единой царапины, а наговор был — первая пуля тебе в лоб».

Так и получилось — в первой же атаке на mine подорвался Николай. Остались на руках Антонины трое детей. Старшенькому, Жорику, двенадцать лет, а младшенькая, Лидочка, еще в пеленках. А среденькая вскоре умерла.

Немцы в Краснодон входили без боя. Свекор заставил невестку волосы растрепать, лицо сажей измазал, чтобы не приглянулась какому-нибудь фрицу. А один из офицеров, которые стали на квартиру у них, сообразил, в чем дело, отбер полотенцем сажу, дал Тосе крем и говорит:

— Красивая у вас дочка. Гут!

— Гут, гут! — испуганно согласился свекор.

На этом и обошлось, не тронули немцы молодую мать. Поднесет им воды, а они:

— Холодная, муттер?

— Холодная, холодная, сукины дети...

А в городе страшное творилось. Расстреливали коммунистов, евреев и всех непокорных. Особенно усердствовали в этом свои же жители, надевшие форму полицаяев.

— А теперь их всех, гадов, реабилитируют, — заключает рассказ Тося.

— Нет, таких не прощают, наказывают, — возражаю я.

Однажды при немцах Антонина развесила во дворе три простыни, покрашенные в разные цвета. Из них она делала юбки, меняла на хлеб. А тут началась бомбежка. Оказалось, наши самолеты. Антонина крикнула свекру:

— Папа, идите сюда, это наши! Бомбите, бомбите, дорогие! — кричала она, глядя в небо.

Один из полицаяев услышал, заорал на Тосю:

— Развесила тряпки! Самолеты наводишь?

Защитила соседка, учительница немецкого языка, работавшая в комендатуре переводчицей.

— Господин полицай, вы разве не знаете, что у Анкановой дети, кормить нечем. Она эти тряпки на хлеб меняет.

Знал бы полицай, что Антонина Лаврентьевна в кофточках да в пеленках вместе с ребенком носила на базар партизанские листовки — не миновать бы ей пули.

Немецкое радио сообщало о поражении русской армии — бои шли под Сталинградом и в предгорьях Кавказа. Но в городе кто-то тайно и дерзко напоминал, что советские люди не сдались, — то немецкая биржа загорится, то флаг красный кто-то вывесит, то улицу опять за ночь переименуют в улицу Ленина.

Не догадывалась тогда Антонина Аниканова, что это делали школьные товарищи сына, которых с малолетства знала. Нередко к ней по-соседски заходили матери Земнухова, Тюленина, Шевцовой — участников подпольной организации «Молодая гвардия».

Но вот немцы схватили троих ребят — Женю Мошкова, Виктора Третьякевича и Ваню Земнухова. Их обвинили в ограблении немецкой автомашины с сигаретами. Вскоре начались аресты молодогвардейцев.

А тут случилось несчастье с сыном: пришел домой окровавленный, с оторванными пальцами рук. Мальчик объяснил, что взял какую-то красную штучку, а она взорвалась, но это объяснение не успокоило мать. Каким только богом не молилась она, чтобы с ним ничего не случилось.

Когда фашисты были изгнаны из Краснодона, началась выемка из шахты трупов казненных людей. Вместе с жительницами города Антонина Лаврентьевна укладывала в гробы изуродованные тела комсомольцев.

Пишу, а сам думаю: да разве найдутся нужные слова, чтобы выразить все военные и послевоенные невзгоды матерей, солдатских вдов? И откуда только берутся у них силы поднимать детей, недосыпая и недоедая, вечно тревожась о них? Какие родники питают сердца матерей...

Но минуты счастья все же были и у Антонины Лаврентьевны, когда она видела, какими умными и добрыми росли дети, радовалась их успехам. Георгий и Лидия отправились обживать Камчатку, а потом и мать вытащили из насиженного краснодонского гнезда.

В первые годы недолго любила Антонина этот далекий странный край, вырывалась на материк. Но, со временем как все камчадалы, терзалась, грустила и считала дни до возвращения на эту уже ставшую родной землю.

И опять в кругу своих детей она была счастливой, быстрой и задорной. Но беды всюду находят мою старшую сестренку — в автомобильной катастрофе погибает дочь, а через год умирает сын Жорик.

И поблекла, постарела Антонина. Выйдет на улицу, все — и старые и малые — кивают ей, приветливо улыбаются:

— Доброе утро, Тося!

— Здравствуйте, Антонина Лаврентьевна!

А сердце всё равно стонет, жалуется: чужие кругом, чужие...

Зову-зову сестренку: переезжай в Краснодар, поближе к родным местам. А она одно и то же: куда я от своих деточек?

Невестка, жена Жорика, пишет: каждый день мама ходила на кладбище. Ничего не видя перед собой от придавившего ее горя, дважды попадала под машину, слава Богу, легко отделывалась. На могилке сидела часами, тихая, окаменевшая, как памятник. Потом вдруг кладбище оглашалось её протяжным воплем, полным безнадежного отчаяния: «Деточки мои-и, деточки родненьки-и... Что ж не взяли меня с собой... оставили на земле одну...» И эхо долго подтверждало: одну... дну... дну...

На могиле и нашли её, остывшую, с ещё не высохшими слезами на скорбном лице Матери...

2001 г

Рекомендация

Под серым и дымным небом,
У всей земли на виду
Его принимали в партию
В сорок четвертом году.
Никто ему сложных вопросов
В то время не задавал:
Мы верили в этого парня —
Он хорошо воевал.
Он родом был, кажется, с Дона,
Там мать у него жила.
И где-то еще невеста,
А может, жена, была.
Его рекомендовали
Парторг и штурман полка.
Парень стоял у машины,
Парень краснел слегка.
А за его спиной,
Готовя новый полет,
Техники
Бомбы фугасные
Вешали под самолет.
Мы знали, что штучки эти
Везти надо прямо в ад,
Откуда за эту неделю
Мало вернулось ребят.
Поэтому слушали плохо
Ответы сухих анкет:
Сложней боевого полета
Вопросов в анкете нет.
И мы под суровым небом,
Где полыхала гроза
Своими руками жесткими
Молча сказали: «За».

Весна сорок пятого года

С фронтов поступают вести:
Победа уже видна.
В районе военных действий
В атаку пошла весна.
В зеленой своей плащпалатке
У взорванных ходит домов.
И запах сирени сладкий
Вытеснил горечь дымов.
Добрее солдатские души,
И черные тают снега.
И радуга,
Как «Катюша»,
Огнем добывает врага.

Нашим мамам

Мы вспоминали вас
В бессоннице санбатов.
А в небе — нет.
Среди смертельных трасс
Мы в бога-мать
Ругались грубовато.
Простите, мамы,
Не судите нас.
Мы не писали вам,
И вы не знали,
Что вновь рождались мы
В который раз!
Нас, обгорелых,
Сестры бинтовали,
Как вы когда-то
Пеленали нас.
С победой мы вернулись
В дом знакомый.
Встречая с гордостью
Своих сынов-орлов,
Смотрели вы,
Почти, как на иконы,
На гимнастерки
В блеске орденов.
Несли к глазам
Свой скомканный платочек
И, прислонившись к сыну головой,
Шептали вы:
— Родимый мой сыночек
Спасибо, что вернулся ты живой.
Стареете, родные и скучаете.
И хоть у сына завершен полет,
Вы всякий раз
Глазами провожаете
Летающий в небе белый самолет.

ПОЗДРАВЛЯЕМ КРИКОРА СААКОВИЧА МАЗЛУМЯНА С 70-ЛЕТИЕМ

Сочинский поэт Крикор Мазлумян, встречающий юбилейную, семидесятую по счету, весну в своей жизни, все также полон новых планов и надежд.

Творческая биография Крикора Мазлумяна напоминает извержение вулкана. Природная жилка поэта и тонкого ценителя художественного слова, которую он открыл в себе еще в юности, долго дремала в его неугомонном сердце, время от времени давая выход лишь небольшим отдельным стихотворным циклам, объединенным общим названием «Родник», и только в более зрелом возрасте, когда все мысли, как правило, о спокойствии, отдыхе и умиротворении, — он буквально «взорвался»: неожиданно для всех — новыми идеями и проектами, ярко блеснув совершенно незнакомыми гранями своего самобытного дарования.

С.В. Иванов, К.С. Мазлумян, В.Н. Ганичев, Москва, ЦДЛ. 2009

сохранения традиционной народной культуры и самобытного искусства, широкой пропаганды духовности и общечеловеческих ценностей, а также укрепления идей мира, добра, межэтнического согласия и взаимопонимания. Под наши знамена становились сотни, тысячи людей, которым был дорог и понятен этот дух всеобщего единения. Мы живем большой дружной многонациональной семьей — русские, адыги, греки, армяне, украинцы, белорусы. Победы и проблемы у нас — одни на всех. Так было, так есть, так, убежден, будет и впредь.

— **Знаю, что увлечение русской поэзией, помогло вам совершенно по-иному почувствовать вкус армянского слова, проникнуться древними традициями национальной литературы, так ли это?**

— Сегодня, разменяв восьмой десяток лет, я жалею только об одном: мне не удалось получить серьезных знаний в области ар-

О ВРЕМЕНИ, О ЛЮДЯХ, О СЕБЕ...

Выросший на лучших произведениях Пушкина и Есенина, Саят-Нова и Нарекаци, Крикор Сааквич продолжает радовать и удивлять своих поклонников — активно работает, публикуется, издает книги, встречается с читателями. Его стихи — уже не подающего надежды самодеятельного поэта-самородка из провинции, а зрелого мастера, признанного в столичном литературном мире — поражают глубиной искренностью, новизной образов, психологизмом характеров и смелой жизненной позицией. Каждая поэтическая строка Мазлумяна — выстраданная, прошедшая через душу и сознание творца — сродни незабываемому вкусу настоящего пятизвездочного армянского коньяка, богатство «букета» которого напрямую зависит от степени выдержки. Такой напиток не пьянит и не затуманивает разум, его главное достоинство заключается совсем в другом, это эффект иного свойства: обострить чувства, взволновать сердце, подарить человеку особое — обнаженное — восприятие красоты окружающего мира...

Эта беседа с Крикором Мазлумяном получилась большой, насыщенной и продолжительной по времени — слишком многое хотелось обсудить, обо всем погово-

рить. Вдохновленный недавними успехами на творческом поприще Крикор Сааквич размышлял о самом значимом для себя: о времени, прожитом в поэзии, и людях, которые дороги ему. Отдельная тема — новые планы и творческие идеи. Одним словом, разговор получился искренним и интересным — о чем можно судить даже по отдельным его фрагментам.

— **Крикор Сааквич, что вы ждете от нынешнего юбилейного для себя года? Наверняка, он должен стать каким-то особенным?**

— Я надеюсь, он будет столь же богатым на радостные события, добрые эмоции и яркие впечатления, как и прошедший. После выхода в Москве моего поэтического сборника «Солнце в зените», а также большого литературно-музыкального вечера под названием «Амшенский ветер», прошедшего в столичном Центральном доме литераторов, на достигнутом останавливаться уже нельзя. Сейчас все мои мысли — о том, что еще не сделано, нужно реализовать задуманное, тем более, для этого есть великолепный повод. Среди важнейших проектов, на которых сосредоточено мое основное внимание — переиздание книги в Москве (в нее войдут два десятка совершенно новых стихотворений), надеюсь, удастся выпустить еще один сборник в Ереване. Большие планы связываю также

с изданием в Майкопе поэтического сборника «Аул под доброю горой». Это особенно волнующая для меня тема: хочется собрать вместе все мои произведения — опубликованные ранее и совершенно свежие — посвященные кунакам-адыгам и Кавказу вообще. Убежден, что при поддержке моих друзей-единомышленников у меня обязательно получится.

— **Корни наших побед и неудач всегда нужно искать не столько в настоящем, сколько — в прошлом, ведь восхождение к вершине начинается с самого низа. Что, в первую очередь, повлияло на ваше мировоззрение, благодаря чему вы увлеклись поэзией, как удалось обнаружить в себе яркую творческую жилку?**

— Не зря люди мудрые называют все сущее в человеке, особенно творческое начало — божьей искрой, неким перстом судьбы, что ли. Каждый из нас по-своему уникален, неповторим, самобытен. Но у одних — это проявляется сразу, в других — вспыхивает благодаря каким-то благоприятным обстоятельствам. Во мне безграничная страсть к поэзии и художественному слову формировалась постепенно. Я жил этим, сколько помню себя — много читал, заучивал наизусть, анализировал. Потом стал писать сам. Ценить живое русское слово я учился у великих русских классиков. Они же стали моими главными учителями в жизни. Эта страсть не дает мне покоя и сегодня — без этого существование на земле становится пресным, никчемным, бессмысленным. Однажды, еще в молодые годы, я как-то на спор по памяти читал стихи в течение пяти дней! Прошло столько времени с тех пор, а любовь к прекрасному, слава Богу, не иссякла. Сегодня я воспринимаю, все, конечно, несколько иначе, чем в юности — более серьезно, глубоко, основательно, но все также искренне, как и

раньше, радуюсь любой возможности вновь и вновь взять в руки хорошую книгу или пообщаться с интересным человеком. Кстати, столько поэтических вечеров, как у нас, в Лазаревском, думаю, не проводят больше нигде в крае. Это особый предмет гордости.

— **Если поэзия — это страсть и любовь, что для вас является смыслом жизни? Чем особенно**

мянского языка и культуры. Я, к величайшему сожалению, не изучал родную словесность в школе, не смог приобрести к ней в институте, хотя всегда дружил с языками. По основному образованию я — учитель русского языка и литературы, помимо этого несколько лет после окончания вуза преподавал немецкий язык

К.С. Мазлумян и В.А. Костров

гордитесь, что вам больше всего дорого?

— Я счастлив при мысли, что имею непосредственное отношение к созданию Лазаревского Центра национальных культур. Это сегодня его хорошо знают во всех уголках России и зарубежных странах, но родился он в очень трудное время, когда в период смены политических эпох страна переживала страшные потрясения. Впрочем, становление этого уникального в своем роде учреждения культуры было весьма непростым, да и сохранить его, естественно, стоит больших усилий. Проблем было огромное количество — с помещениями, с материально-технической базой, с поиском квалифицированных специалистов, с созданием коллектива единомышленников. Мы все прекрасно понимали: Центр национальных культур — единственный реальный механизм

в Дагестане — в знаменитом ауле Гуниб. Знание родного языка впитывал не с молоком матери, а уже в зрелом возрасте благодаря книгам — упустил много времени, а столько еще мог бы сделать! Но, с другой стороны, я вырос в русской среде, с детства впитывал в себя богатейшую русскую культуру и традиции, поэтому получил возможность, как, наверное, никто другой, буквально смаковать каждое армянское слово, поэтическую строфу или книжные строки. Это совершенно яркие и непередаваемые ощущения! Поэтому я не ропщу на судьбу: я счастлив! У меня две родины — Россия и Амшен. Я говорю на двух дорогих мне языках, занимаюсь любимым делом, могу быть полезен людям, а о чем еще можно мечтать?! — сказал в заключение нашей беседы К.С. Мазлумян.

Анзор НИБО.

Лазаревский центр национальных культур

"Ратная слава России"

ПОЭЗИЯ

Крикор Мазлумян
Амшенская
слеза

Бессонница. Немых теней движенье,
Изнемогаю. Больше так нельзя...
Но вот опять она без разрешенья
Мне душу жжёт – амшенская слеза,

Она других не солоней, не горше,
Слезам боль смывает всяк народ...
Но что ж она, о Господи, ну что же
Мне столько лет покоя не дает.

Слеза амшенская? Она течет веками...
Дожди не смоют, не иссушит зной.
Амшен родной! Не оттого ли камни
Твои так солонь, омытые армянскою
слезой?

Вот водопада брызги, вот роса —
Всё Господом ниспослано на землю...
А мне во всем — амшенская слеза,
Во всем, что вижу и чему я внемлю.

Перебирая даты, годы, вехи,
Я вижу, как горька ты, глубока...
Неужто так от века и до века
Ты будешь течь, амшенских слез река.

Иль может, солнце снова улыбнётся,
Без этой веры жить никак нельзя...
Очистит небо Божия гроза,
С ресниц твоих, праправнук мой,
сорвется
Счастливая амшенская слеза!

ХЕВ-ЧОРОХ
(Сумасшедший Чорох)

О буйном нраве не сказав ни слова,
Воспел тебя всем сердцем я, как мог.
И вот теперь я возвращаюсь снова
К твоим волнам, к твоей судьбе, Чорох!

Мой дикий зверь, мой гордый, непокорный,
Мой необъезженный скакун!
Они тебя пытались взять за горло:
Стена-скала, и посреди - валун.

Им нет числа, непрошеным пришельцам,
Мнит каждый стать хозяином твоим.
Судьба твоя похожа на амшенца:
Врагами — он, ты — скалами тесним.

Какую ночь не сплю, а мысли бродят
Там, где ты катишь за волной волну.
Как ты из скал, мы вырвались к свободе...
А Родину оставили в плену.

Но, Хев-Чорох, я тоже сумасшедший.
В твоём кипенье молодость обретший,
С тобой сольюсь! В чаек я превращусь,
К твоим истокам светлым поднимусь,
Боготворящей свежести напьюсь,
В долины никогда не возвращусь!
Мой Хев-Чорох! Я тоже сумасшедший!

Снова слышу песню про Катюшу,
Снова сердце тронула она.
Угощайтесь: яблоки и груши —
Слава Богу, нынче не война.

Разве вы Катюшу не узнали:
Вот туман, вот девичьи следы.
Яблони тогда лишь расцветали,
А теперь — созревшие плоды.

Вороны уводят наши души,
Им бы надо выжечь их дотла,
Но не верьте, что теперь Катюша
Не заводит песню про орла.

Только отыщите струны, только троньте
Полетит на самый край земли...
И в страде великой, и на фронте
Мы свою Катюшу сберегли!

Амшенский ветер!

Тоскую по тебе, амшенский ветер,
С надеждою твоих объятий жду.
Жду свежести амшенского рассвета,
И утра запоздалую звезду.

Тоскую по тебе, амшенский ветер,
Пускай несешь с собой ты пыль и соль,
Ты всё равно всего родней на свете,
Ты, и такой, мою утетишь боль.

Тоскую по тебе, амшенский ветер,
Любовь моя, последний мой редут.
Пусть ландыши и яблони во цвете
Все запахи с тобой передадут.

О мой амшенский ветер, неужели,
Я не услышу шепотов твоих,
Хотя бы прелый дух родных ущелий
Ты принеси в тоскующий мой стих.

Все может время сотворить на свете
И даже память о тебе стереть...
Но я зову тебя, амшенский ветер,
Моим стихом. Хотя б ему ответить.

Когда твой купол звездами расцвечен,
Иль светлую навеет утро грусть,
Я о тебе, о страждущей, молюсь...
И пусть во всех церквах зажгутся свечи
Во здравие твое, Святая Русь.
Куда бы ни вели твои дороги,
Пусть тернии на них или цветы,
Но все равно они приводят к Богу,
И потому необорима ты.

Глаза твои что чистые колодцы,
Их глубине в любви моей клянусь,
Пусть голос мой одной строкой вольтется
В могучий гимн тебе, Святая Русь.

Говорите на русском —
Он понятен и прост...
Ещё встанет Россия
В свой немислимый рост.

От Чукотки до Луцка
Наш проходит редут...
Говорите по-русски,
Вас, как братьев, поймут.

В дни печали и грусти
Или в радости миг
Говорите по-русски —
Богом дан нам язык.

И не слушайте познеров,
Всю экранную рать!
Никогда нам не поздно
Снова русскими стать.

Вот опять над опушкой
Свет разлился окрест.
Это солнце и Пушкин —
Наш язык и наш крест.

Только так во Вселенной,
В чистом пламени звезд,
На великом, на русском,
Нас услышит Христос!

В России целой ни деревни
Мне отыскать не удалось,
Где б русский жил с своею верой
И с синью глаз, и льном волос.

Конечно, братья мне таджики,
Народы всей земли близки,
И все ж порой без русских ликов
Я умираю от тоски.

Среди шергиновских поморов,
Среди есенинских «расей»
Искал я русских разговоров
И стариков-бородачей...

Увы! Куда б ни уносило,
Прости, Господь на небеси,
Я понимал, что я в России —
Со странной болью о Руси.

Я в жизни не был ксенофобом,
Я и другому не велю...
Как золото высокой пробы
Я просто русское люблю!

Я мудрости учился у адыгов,
Размеренность их речи мне близка.
Она не та, что вычитана в книгах, —
Как первозданность Фишта, высока.

В тени ветвей намоленного дуба,
Могучего, на берегу реки,
Я слушал вас, и повторяли губы
Речений ваших мудрость, старики.

Как вам к лицу торжественность папахи,
Взлет рукавов черкески на ветру.
Молитва, вознесенная к Аллаху,
Нас к небу обращает поутру.

Не с завистью — со светлым чувством вижу
Я, обращаясь к нашим временам:
По-прежнему, они, конечно, ближе,
Адыги-старцы к травам и цветам.

Пусть не всегда одна у нас дорога,
Страна - одна, земля у нас - одна...
Не зря же солнце было общим Богом
В касожские седые времена.

Я мудрости учился у адыгов,
Она, как Фишт, светла и высока...
В моей любви, в моих стихах и книгах —
Шапсугии весомая строка.

О матери печальные глаза,
В каком долгу я вечном перед вами!
Смогу ль о вас, любимых, рассказать
Согретыми душой моей словами?

О матери печальные глаза,
Вы из окна той хижины убогой
Глядите вдаль. И чистая слеза —
Свидетельница боли и тревоги.

О матери печальные глаза,
Вас ожиданье долгое томило...
И медленные стрелки на часах,
И путь отца до Нижнего Тагила.

О матери печальные глаза,
До дней последних будете мне сниться...
И горькая сыновья слеза
Раскайнем застыла на ресницах.
О матери печальные глаза...

**«Я вскинул руки для объятия
И оказался на кресте...»
Н. Зиновьев**

Кавказ мой дом. Мне все кавказцы братья.
И да хранит Господь наш общий дом
Пусть вскинутые руки для объятия
Не станут для кого-нибудь крестом.

Я гордого приветствую аварца,
К гортанной речи я твоей привык...
И дай мне Бог с тобой не расставаться,
Двенадцатиплеменный мой адыг.

И друг мой непокорный, поседевший
Не только лишь от прожитых годов,
Чеченец буйный, словно Терек вешний,
Я и тебя приветствовать готов.

Абхазец мудрый! О тебе ли слово
Великой дружбы в сердце не найду?
Оно открыто и всегда готово
С тобой делить и радость и беду.

Ингуш, лезгин... Да разве перечислить
Всех вас: калмык и верный осетин!
Весь с вами я: душа моя и мысли...
Богат я в мире тем, что не один.

Как многолик ты, мой Кавказ могучий...
Флаг нашей верной дружбы водрузив,
Не ты ли тамадой когда-то лучшим
Был в нашем доме, древний брат грузин?

Кавказ наш дом. Мне все кавказцы братья,
И дом у нас, и Бог у нас один.
А вскинутые руки для объятия —
Знак мужества для истинных мужчин.

«Россия! Русь! Храни себя, храни!» -
Слова поэта вырвались из сердца...
Благословенны будут твои дни,
Была в веках и будешь ты бессмертна.

Россия! Русь! Храни себя храни!
Врагов твоих не дремлет вереница
Ты видишь, как разнузданны они —
И даже не скрывают свои лица.

Им несть числа. Но ты непобедима.
Им нет границ. Зато бездонна ты.
Твоя звезда горит неугасимо
Во имя доброты и красоты.

И в небесах не будет им прощенья,
И на земле им не простится срам.
У них в душе — огонь всепоглощенья,
А у тебя неопалимый храм.

Они тебе грозят, поскольку трусы.
Они боятся собственных оков...
Ты испокон Святой зовешься Русью,
Непобедима, ибо ты — Любовь.

Не уходите старики,
Не уходите, ради Бога...
Зовут последние звонки
Не вас в последнюю дорогу.

Пока на дальнем рубеже
Стоите, гордые, как прежде,
Царит покой в моей душе,
И в ней жива еще надежда.

Не уходите, старики,
Смотрите, как прекрасны горы...
Еще горят, как васильки,
Неугасающие взоры.

Не уходите, старики,
Еще огонь хранят ладони.
Взгляните: в поле у реки
Вновь ржут стреноженные кони.

Не уходите, старики,
Стихов моих не лгут вам строки:
Не снег ложится на виски,
То признак мудрости высокой -
Не уходите, старики!..

Светит солнце родное в зените,
Я врастаю душой в синеву...
Не ругайте меня, не вините,
Что так думаю я и живу.

А я думаю чаще и чаще,
Что люблю их до боли и слёз:
Беригите ранимые чащи
Наших милых российских берёз.

К ним любви моей не пересилить,
Это с детства, с рожденья в крови...
Всё, что есть остального в России —
Приложение к этой любви.

Признаю тебя, возраст преклонный,
Я, конечно, не тот, что вчера,
Но, как прежде, хожу я, влюблённый
В этот мир красоты и добра.

Я не то, что ослеп и не вижу,
Что случилось, что случилось в стране,
Просто мне и понятней, и ближе
Свет надежды, чем сумрак в окне.

Что унынье? Себе же потеря,
Заблуждение от сатаны...
Я же веровал, верую, верю —
В том надежда моя и страны.

Быть без ворога ей и без страха —
Ведь ещё от языческих дней
Тихо молятся белые старцы
В стенах древних монастырей.

И звенят, и поют над Россией
Колокольные звоны церквей,
И от их очищающей силы
Каждый колос на ниве полней.

Сказки Солнцедара

От автора

Первый раз я побывал в Солнцедаре лет двадцать назад да так и остался в нем. Надеюсь, уже навсегда. Родители мои – люди северные, привыкшие к холодам и вечной мерзлоте, узнав, что на берегу теплого Кубанского моря есть город, в котором никогда не заходит солнце и круглый год зреют арбузы, бананы и черешня, не раздумывая, повезли меня в этот рай.

Помню, что из Сыктывдара, где мы тогда жили, к теплой земле и морю, поезд вез нас долгие недели или даже месяцы. Как же утомились мы за это время. Под конец путешествия у нас закончилась еда и, чтобы хоть как-то заглушить голод, мы просто высовывали в окошко головы и елотали густой, пропитанный фруктами и шашлыками южный воздух.

Солнцедар оказался самым красивым и теплым местом, в котором я когда-либо бывал. И уезжать из него обратно – к черным трубам северных заводов и желтому снегу, ох как не хотелось. Мама и папа мои тогда дали телеграмму своим мамам и папам в Сыктывдар: «Мы остаемся тчк». И ведь остались.

Ну а потом и наши бабушки с дедушками переехали к нам. Поначалу, конечно, мы жили под пальмами и ели суп из медуз, который местные жители ласково называют «мушица». Ну а когда самый главный правитель Солнцедара понял, что мы не понарошку любим город и обратно уезжать не собираемся, подарил нам свой дом в самом центре города, а сам переехал в маленькую квартирку на окраине. Да-да, и такое бывает в жизни. И, кстати, никто нас после этого не стал называть «понаехавшими тут».

Сейчас, когда прошло два десятка лет с момента нашего переселения в этот «Эдем кубанский», захотелось мне вдруг рассказать о нем многим и многим людям, которые еще ничего о нем не знают. Вернее, даже не людям, а лучше – детям. Ведь к прекрасному надо привыкать с детства, чтобы, когда станешь взрослым, в душе было добро, а не зло.

Ну, а чтобы мальчишкам и девочкам было интереснее, написал я о Солнцедаре не просто какую-то большую книжку, а маленькие сказки. Вернее, даже не написал, а записал и пересказал то, что мне говорили о своем родном городе его жители. Кстати, живут в Солнцедаре самые разные народы – кубанцы, плавунцы, горцы, русские, и, конечно, самый большой и многочисленный народ города – умельцы. Живут и дружат.

Итак, начнем.

Волшебный фонарик

История эта случилась в Солнцедаре совсем недавно. В одном из округов этого замечательного города – Вишневом, жил (впрочем, он и сейчас живет и здравствует и дай бог ему здоровья на долгие годы) парень по имени Маврик.

Такое имя ему дали от того, что когда он родился, во всем городе выключили электричество. И мама, когда взяла на руки этого нового маленького человечка, сказала:

– О боже, какой же он темный, прямо мавр.

Правда, когда включили электричество, все стало на свои места. Ребенок оказался таким же беленьким, как и его родители. Но было поздно, слово, ведь, как известно, не воробей – вылетит – не поймаешь. Так и стал он Мавром, ну, или Мавриком.

Рос Маврик скромным, умным и работящим. И было это в то время, когда на город со всех сторон обрушились мусор и грязь. В подъездах домов, на балконах, в скверах, в школах и больницах валялось ну просто

невероятное количество мусора. Впору было новое имя городу давать. Например, Грязедар. Или Мусорск. И никто ничего не мог поделать с этим безобразием.

Кто-то говорил, что грязь появляется в городе сама по себе, как грибы, кто-то, что мусор завозят шпионы, иностранцы и инопланетяне, чтобы жителям города плохо жилось. Но на самом деле улицы замусоривали сами солнцедарцы.

– Я сделаю город чистым, – сразу заявил он главному дворнику Солнцедара Евпатию Мусору-Рылеву и потребовал самую большую метлу и ведро.

– И-эх, – крикнул на это главный дворник и спросил, как зовут будущую «грозу мусора и пыли».

– Мавр Афанасьевич Крузенштерн, – гордо ответил еще не дворник, но уже идейный борец с грязью на всех ее уровнях.

ведром и куцей метелкой.

– Ничего, мы еще посмотрим, кто кого, – подумал Маврик, оглядывая свое поле битвы.

И знаете, дело у него пошло. Через две недели участок его стал самым чистым местом в городе. Сюда даже стали приходить молодые мамы со своими малышами. Только мусорить здесь уже никому не дозволялось.

А чтобы этого больше и впредь здесь не происходило, Маврик договорился с местными воробьями и воронами, которые как только видели, что кто-то собирается бросить мимо урны бумажку или фантик, начинали громко каркать и чиркать. За такую помощь Маврик угощал их семечками и печеньем. Кстати, в строго отведенных для этого местах.

И все равно справиться со всем мусором в городе даже такому борцу-бойцу, как Маврик, было не под силу. Он мог управляться со своим участком, мог навести чистоту еще в двух-трех дворах, но все равно этого было недостаточно – ведь в Солнцедаре многие тысячи дворов.

И вдруг, да-да, снова вдруг, как это часто бывает в сказке, избавление от грязи пришло самым неожиданным образом. Когда Маврик убирался на чердаке одного из домов своего участка, он нашел среди старых, ненужных вещей красивый, древний фонарик. Точнее, это был даже не фонарик, а керосиновая лампа с вогнутым зеркальцем, чтобы свет от горящего фитиля был ярче.

– Вот здорово, – подумал дворник, – будет лучше видно мусор в темных углах.

Он внимательно осмотрел находку. Бачок для керосина лампы был позолоченный и даже чем-то походил на церковный купол. Зажатый между двумя валиками фитиль отдавал ярко-синим цветом, замыкало это буйство красок алое зеркальце, которое будто даже светилось в полумраке чердака. Маврик провел по запыленному стеклу пальцем и увидел, что на нем что-то написано.

– Тво-ри до-бро на всей зем-ли, – прочел он по слогам. – Земле, а не земли, – возмутился он окончанию фразы, но тут же вспомнил, что на уроках русского языка учительница говорила, что раньше люди часто ставили вместо буквы «е» – «и».

Маврик достал из кармана зажигалку (не подумайте, что Маврик курил, зажигалку он нашел на улице, кто-то просто выбросил ее) и, чиркнув колесиком, поднес огонек к фитилю. Тот сначала поупрямился, подымил по-черному, но все-таки загорелся, зарделся красным, как солнце на восходе.

Молодой дворник направил лампу в угол чердака, там, где были самые большие мусорные кучи и, о чудо – они стали превращаться в разные приятные вещи. Случилось волшебство! Старая, одноногая табуретка стала симпатичным горшком с цветущей геранью, расколота радиолка превратилась в большой энциклопедический словарь, а изжеванный молью коврик и вовсе – в набор циркулей и карандашей.

После этой находки Солнцедар преобразился. Да что там – он стал настоящим городом-праздником. Маврик ходил по улицам и превращал мусор в полезные и красивые вещи. Город был спасен. А Маврик, точнее, уже Мавр Афанасьевич стал лидером дворников. Именно лидером, а не просто начальником каким-то. Солнцедарцы его зауважали и даже залюбили, если так можно сказать. Мусору больше не было места в замечательном Солнцедаре.

Правда, со временем вещи, которые были когда-то мусором, тоже заполонили город... И люди стали задумываться, как бы от них избавиться. Впрочем, это уже совсем другая история.

Д. Нестеренко

Дмитрий Нестеренко

Родился в 1979 году в станице Брюховецкой Краснодарского края. Рассказы начал писать с 13 лет. Первый – «Происшествие», был опубликован в детском журнале «Вместе».

Дмитрий Нестеренко окончил брюховецкую школу-гимназию №1 и московский Литературный институт им. Горького (факультет прозы, семинар Александра Евсеевича Рекемчука). Выпустил книгу рассказов «Коридор», по которой был принят в Союз писателей России. Произведения автора публиковались в журналах «Кубань», «Дон», «Тверской бульвар, 25», Интернет-изданиях, сборниках и альманахах.

В последнее время литератор активно пишет сказки. Их первые слушатели сыновья Дмитрия – дошкольники Тимофей и Степан.

Произошло это от того, что мамы и папы не объясняли своим детям, что мусорить – нехорошо. Что это некрасиво и вредно городу и земле, на которой они живут. Вот и вышло, что миллионы фантиков от конфет, горы разных всяких бумажек и упаковок из-под соков, дети стали бросать не в урны, а куда попало – на тротуар, скамейки, автобусные остановки. И чуть было мусор не стал править городом.

И как это часто бывает в сказках, главному герою, в данном случае Маврику, надоело, что в его любимом городе, и, особенно, в Вишневом округе, стало слишком много мусора. Город утопал в грязи, как волнорезы в море.

Когда же обертки от конфет, яблочные огрызки, пустые бутылки стали подбираться к крышам домов, а надо сказать, дома в Солнцедаре не такие уж маленькие, на пороге городского собрания дворников появился Маврик.

– Ну что ж, – прошипел в ответ его будущий начальник, – большому кораблю – большое плавание.

После этого он записал фамилию и имя новичка в особый дворничий журнал, скрепил запись большой квадратной печатью и выдал ему обгрызенную мухами метлу и дырявое ведро.

Наверное, вы и сами догадались, что после такого отношения со стороны мусороконтролирующего начальства к прекрасным намерениям Маврика, настроение у него испортилось. Впрочем, ненадолго. Ведь главным для него был не инвентарь, а борьба, борьба и еще раз борьба.

Участок, на котором Маврику предстояло работать, был замусорен донельзя. Надо сказать, что в Солнцедаре «донельзя» равняется десяти метрам в высоту. Жители ближайших домов только посмеялись, когда увидели молодого, худого паренька в красном дворничьем жилете, с дырявым

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЗАПАСНИК

Анатолий Ильяхов
БЕСТИЯ

В Древнем Риме слово **бестия** (с лат. **bestia** – зверь, животное) считалось оскорбительным, бранным, как, впрочем, и сейчас. Оно означало понятие «наглый мошенник, ловкач, дерзкий плут» или «шельма, пройдоха, пролаз» – что, собственно, почти одно и то же. В римской армии так называли воинов-наёмников, но не за отвагу, а в смысле «наймит» или даже «подлый наёмник», с определенной долей неуважения к низкому происхождению человека, заставившего его заниматься ратным трудом за деньги. Но корни слова следует искать на цирковой арене Древнего Рима, где гладиатор, вступающий в единоборство с дикими зверями, назывался **бестиарий**. Римляне долго помнили своего циркового любимца, гладиатора-фракийца Карпофора, которого они называли «Бестия» за то, что он всегда побеждал свирепых диких зверей. Зверинец, где содержались дикие животные со всего, как говорится, мира – для гладиаторских боев и иных потех римлян, назывался **бестиариум**.

Происхождение жестокого зрелища – сражения зверей и людей-бестиариев объясняется тем, что римские полководцы перед началом похода устраивали обильные жертвоприношения домашними животными, быками, и дикими зверями. Так они пытались умиловить свирепых подземных богов в надежде направить их гнев против врагов. Заодно вид ран и крови закалял воина. Затем бои гладиаторов устраивались как погребальные игры. Первым, кто организовал гладиаторские «игры» в Риме на похоронах своего отца были братья Брут. Кровавое зрелище понравилось, но за этим событием последовала свирепая вспышка эпидемии, которую поспешили приписать прошедшим «играм». Но вскоре неприятности у римлян закончились и они опять пожелали видеть так понравившиеся им кровавые бои. Сражения гладиаторов между собой и с дикими зверями возобновились и стали нормой римского бытия. Они проводились теперь по праздникам в честь Марса, Дианы, Юпитера, Меркурия и, особенно, Сатурна. Считалось, что эти боги как раз присутствуют на арене цирка во время боёв. На арене Большого цирка в Риме был сделан «водосток» – «широко открытый рот божества»: он как бы пил кровь, текущую по арене...

Виталий Серков

Ботаник

*Все деревья – берёзы,
Даже ель и сосна.
Виктор Домбровский.
«Снова зимние грозы»*

Слыл словесности данником
И, конечно же, бардом.
Оказался ботаником,
Обеспеченным фартом.

О проблему учёные
Бились крепкими лбами,
Но берёзы точёные
Всё ж не стали дубами.

Вспомнив опыт Мичурина
И генетиков опыт,

Говорили однажды о звукоподражательности, о собрании некоторых слов на разных языках, так что и незнающему языка можно угадать приблизительно, по слуху, к какой категории то или другое слово должно принадлежать. В Москве приезжий итальянец принимал участие в этом разговоре. Для пробы спросили его: «Что, по-вашему, должны выражать слова: любовь, дружба, друг?» – «Вероятно, что-нибудь жесткое, суровое, может быть, и бранное», – отвечал он. «А слово «телятина»?» – «О, нет сомнения, это слово ласковое, нежное, обращаемое к женщине».

А.С.Пушкин всегда с нежностью говорил о произведениях Дельвига и Баратынского. Дельвиг тоже нежно любил и Баратынского, и его произведения. Тут стати заметить, что Баратынский не ставил никаких знаков препинания, кроме запятых, в своих произведениях, и до того был недалёк в грамматике, что однажды спросил Дельвига в серьёзном разговоре: «Что ты называешь родительским падежом?»

Кто-то заметил при Суворове про одного русского вельможу, что он не умеет писать по-русски.
– Стыдно, – сказал Суворов, – но пусть он пишет по-французски, лишь бы думал по-русски.

Однажды Пушкин сидел на диване в кабинете графа С. И читал про себя какую-то книгу.
Сам граф лежал на диване.
На полу, около письменного стола, играли его дети.
– Саша, скажи что-нибудь экспромтом... – обращается граф к Пушкину.
Пушкин, ничуть не задумываясь отвечает
– Детина полоумный лежит на диване.
Граф обиделся. На что Пушкин ответил:
– Но вы, кажется, не поняли меня... Я сказал: – дети на полу, умный на диване.

Взял он скальпель Акчурина
Под назойливый шёпот.

В ночь, не сильно тверёзую,
Крылья вздев за спину,
Сделал елку берёзую,
А черешню – сосною.

Ставлю в книге я крыжики,
Соответственно тайне:
Под берёзами рыжики
Лезут, прямо в сметане.

А над старой скворешнею
Перещелки да звоны,
И кормёжка черешнею
Под сосновые стёны.

Мысль худая слетела ли,
Иль попутаны бесом?
Что ж Вы, милый, наделали
С нашим садом и лесом?!

ПОЧТИ АПРЕЛЬСКОЕ

Александр Булгаков рассказывал, что в молодости, когда он служил в Неаполе, один англичанин спросил его: «Есть ли глупые люди в России?» Несколько озадаченный таким вопросом, он отвечал: «Вероятно есть, и не менее, полагаю, нежели в Англии». – «Не в том дело, – возразил англичанин. – Вы меня, кажется, не поняли; а мне хотелось узнать, почему правительство ваше употребляет на службу чужеземных глупцов, когда имеет своих?».

Однажды в приятельской беседе один знакомый Пушкину офицер, некий Кандыба, спросил его:
– Скажи, Пушкин, рифму на рак и рыба.
– Дурак Кандыба, – отвечал поэт.
– Нет, не то, – сконфузился офицер. – Ну, а рыба и рак?
– Кандыба дурак! – подтвердил Пушкин.

При одной престарелой любительнице словесности говорили о романах Вальтера Скотта и очень часто упоминали его имя. «Помилуйте, батюшка, сказала она: Вальтер, конечно, большой вольнодумец, а скотом, право, нельзя назвать». Эта почтенная старушка была большая охотница до книг, особенно до романов.

И.А.Крылов был высокого роста, весьма тучный, с седыми, всегда растрёпанными волосами; одевался он крайне неряшливо: сюртук носил постоянно запачканный, залитый чем-нибудь, жилет был надет вкривь и вкось. Жил Крылов довольно грязно. Всё это крайне не нравилось Лениным. Они делали попытки улучшить в этом отношении жизнь-бытьё Ивана Андреевича, но такие попытки ни к чему не приводили. Однажды Крылов собирался на придворный маскарад и спрашивал совета у жены Оленина и его дочерей.
– Вы, Иван Андреевич, вымойтесь да причешитесь, и вас никто не узнает, – советовали ему.

Известный русский писатель Иван Иванович Дмитриев однажды посетил Пушкиных, когда будущий поэт был ещё маленьким мальчиком. Дмитриев стал пошучивать над оригинальным личиком Пушкина и сказал:
– Какой арапчик!
В ответ на это десятилетний Пушкин вдруг неожиданно отрезал:
– Да зато не рябчик!
Можно представить удивление и смущение старших. Лицо Дмитриева было обезображено рябинами, и все поняли, что мальчик подшутил над ним.

Граф Д.И.Хвостов в порыве годового замечания, сделанное ему И.Крыловым написал на него стихи. Всего забавнее было, что он выдавал эти стихи за сочинение неизвестного ему остряка и распускал их с видом сожаления, что есть же люди, которые имеют несчастную склонность язвить таланты вздорными, хотя, впрочем, и очень остроумными эпиграммами. Вот эти стишонки:
Небритый и нечесанный,
Взвалившись на диван,
Как будто неотёсанный
Какой-нибудь чурбан.
Лежит совсем разбросанный
Зоил Крылов Иван:
Объелся он иль пьян?
Крылов тот час же угадал стихокропателя и отместил ему так, как только в состоянии мстить умный и добрый Крылов: под предлогом послушать новые стихи графа Хвостова, напросился к нему на обед, ел за троих. И после обеда, когда граф, пригласив гостя в кабинет, начал читать свои стихи, он без церемонии повалился на диван, заснул и проспал до позднего вечера.

Жили б тихо, пророчили,
Муз держа под арестом,
Да себя опорочили
Ботаническим зверством.

Николай Ситников

Какое свинство!

«Какое свинство!» – хрюкнула Свинья
Лежащему в грязи пьянчужке.
Загадил лужу ты, а в ней купаюсь я,
И принимают ванны детки-чушки.

Справедливый суд

Баран овчарню обанкротил,
Чтоб Волк купил. Медведь не против.

Лиса курятник прихватила
И кур давить не прекратила.

Никто из них не уличён,
Не схвачен и не привлечён.
А клюнул крошку Воробей,
Все зарычали: «Вора бей!»

Связали крылья и несут
Под рёв зверей: «Отдать под суд!»

Барсук читает приговор:
«С поличным пойман злостный вор.
Хоть у него в гнезде на ветке
Есть просят детки-малолетки,
Пять лет сидеть придётся в клетке!»

Всем ясно всё и без морали.
Но тех, кто больше всех украл,
Привлечь к ответу не пора ли?